

существенное влияние на будущее, являясь оборотной стороной цифрового этапа развития общества [5, с. 8]. Формируемое цифровое общество должно быть по сути своей ориентировано на использование потенциалов риска: как позитивных, так и негативных.

Список источников:

1. Осипов Г.В. и др. Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 годах: коллективная монография // под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. – М.: ИТД «Перспектива», 2018. – 716 с.
2. Жадан, И.Э. Социальные риски в цифровой экономике / И.Э. Жадан // Гуманитарный научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 20–26.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования Д. Белл. – М.: Академия, 2004. – 788 с.
4. Ильичева, Л.Е., Лапин, А.В. Разработка региональной стратегии: новые подходы и критерии / Л.Е. Ильичева, А.В. Лапин // Власть. – 2019. – № 5. – С. 80–89.
5. Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски. – М.: Издательство «Проспект». 2017. – 244 с.

*А.П. Дербин, проректор по учебной работе и
интернационализации образования
al_derbin@tut.by*

МГЛУ (Минск, Беларусь)

*И.В. Пинчук, зав. кафедрой социальной коммуникации
igor_pinchuk87@mail.ru
БГУ (Минск, Беларусь)*

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Как основополагающий документ жизни государства и общества, конституция должна соответствовать уровню развития общественных отношений в конкретный исторический период, обеспечивать баланс интересов различных социальных групп, воплощать систему ценностей и приоритетов, наличествующих в социуме. В то же время такого рода документы содержат основополагающие начала о перспективных моделях развития государства и общества, направленных на обеспечение социального прогресса, достижение выработанных ориентиров.

Очевидно, что глубинные трансформации в общественной жизни, изменения в мировоззренческой сфере большинства населения или его наиболее социально-активной части, вызвавшие вызревание либо уже фактическое

формирование новых моделей социального взаимодействия, могут потребовать корректировок основополагающих документов.

Будучи вовлеченным в глобальные процессы, белорусское общество испытывает на себе влияние тех же масштабных факторов социальных перемен. Основным из них, на наш взгляд, является дигитализация. Она не только кардинально переформатировала технические аспекты коммуникации как непосредственно между людьми, так и с различными социальными и государственными институтами. За короткий промежуток времени серьезно изменились мировоззренческие, и, отчасти, ценностные установки социума, основы социального взаимодействия.

С одной стороны, этому способствовали чрезвычайная динамика общественных отношений, виртуализация коммуникации как между индивидами, так и с государственно-властными структурами, широчайшие возможности для получения различных данных в мультиинформационном пространстве (Big Data), их обработки и самостоятельного анализа, построения прогнозов при помощи программных инструментов, способность практически беспрепятственно делиться в виртуальном пространстве своими мнениями и убеждениями, объединяться в группы, мобильно координировать свою деятельность в оффлайне и т.п.

С другой стороны, информационно-коммуникационные технологии и их проникновение в жизнь людей фактически перевернули прежние установки социума, основанные преимущественно на постфигуративной культуре (подростающее поколение учится у старших, живет по их моделям поведения), перейдя к установкам, характерным для кофигуративной (опыт приходится перенимать у сверстников) и префигуративной (старшие вынуждены перенимать опыт у младших) культур.

Можно согласиться с мнением М. Мид, что кризис постфигуративной системы наступил вследствие развития новых форм техники, не известных старшим [1, с. 322–361]. В данном случае таким своего рода технологическим триггером выступили цифровые технологии.

Цифровая эпоха принесла с собой глубинные изменения в сознании общества и характере социальных связей. Укрепились модели, при которых молодежь сама вырабатывает стандарты поведения (социальные нормы), становящиеся образцом, как для сверстников, так и во многом для старшего поколения.

В частности, успешность в современном мире «измеряется» не только и даже, порой, столько размером доходов, состоянием индивида, занимаемой им должностью и соответственно, местом в социальной иерархии, сколько оценкой его представленности в виртуальном пространстве – просмотрами связанного с ним (в том числе созданного им) контента в виртуальном пространстве, количеством подписчиков блога, полученными «лайками».

Нередко именно нестандартные, новые решения приводят современных акторов к желаемому результату. Вследствие этого молодежь во многом

игнорирует стандарты поведения старших или безразлично относится к ним [1, с. 360–361]. Авторитет старших становится объектом критического оценивания.

Параллельно происходят изменения в структуре важных социальных установок в сфере взаимодействия. Постепенно снижается значение привычной иерархичности, вертикальные связи уступают место горизонтальным, а субординация координации. Представляется, что эти процессы экстраполируются и на отношение к власти.

Долгосрочное наблюдение реакции интернет-пользователей (комментарии, блоги и т.п.) на различные информационные поводы, связанные с деятельностью официальных структур, дают повод предположить, что в настоящее время институты власти преимущественно оцениваются с позиций полезности, удобства для конкретного индивида, близкой ему социальной группы. Из общественного сознания постепенно уходят последние отголоски сакрализации власти как явления. На первый план выходит бюрократический, технологический и утилитарный аспекты. Власти в меньшей степени хотят просто подчиняться, от нее ожидают взаимодействия по понятным и выгодным алгоритмам. Индивид видит себя чаще самостоятельным гражданином – выгодополучателем. Он требует прежде всего признания его самого (как самостоятельной личности), ценности его прав, интересов, воззрений и переживаний.

В вопросах коллективного отстаивания своих прав (сохранение зеленых насаждений, скверов, массивов малоэтажной застройки и т.п.), или реализации своих интересов становится привычным явлением самоорганизация. Участники самоорганизации легко коммуницируют, объединяются посредством создания тематических групп, в социальных сетях, мессенджерах, собирают финансовые средства посредством краундфайдинга, используют криптовалюты.

Путем самоорганизации индивиды могут решать проблемы, разрешение которых ранее ожидалось исключительно от официальных, властных структур. Обращение к последним по каким-то причинам представляется актерам неэффективным.

Эти и другие аспекты происходящих в контексте дигитализации социальных трансформаций позволяют по-новому взглянуть на отдельные вопросы конституционного строительства. В частности, к таковым следует отнести участие социально-активных граждан, число которых возрастает, в решении жизненно-важных для них вопросов, появление новых форм взаимодействия в рамках местного самоуправления, коммуникацию со структурами местного управления и т.д. Самоорганизация может органично дополнять деятельность местных органов власти, там, где усилия последних не могут быть столь эффективны.

Представляется, что будет все более востребовано закрепление новых возможностей по обсуждению и принятию гражданами решений, в первую очередь на местном уровне, касающихся их жизнедеятельности. Обустройства территорий, инфраструктуры, изменения назначения социально-важных объектов влияния. Как отмечает профессор кафедры технологий, культуры и

общества в Школе инженерии Тандона при Нью-Йоркском университете Бет Симон Новек в своей книге «Умные граждане – умное государство», «многие страны, в том числе Филиппины, Финляндия, Италия и Бразилия, проводили эксперименты по прямому интернет-взаимодействию с гражданами в вопросах выработки политики и развития законодательства. Правительство Исландии попросило граждан участвовать в формировании проекта новой конституции. Подобные зарождающиеся проекты «крауд-законодательства» (crowdlaw), включающие разработку нормативных правовых актов, законов и даже конституции, имеют общую цель: создать работоспособные и воспроизводимые структуры для предоставления людям возможностей прямого участия в процессе законотворчества» [2, с. 56].

Таким образом, в контексте современного конституционного строительства актуализируется изучение вопросов трансформации институтов непосредственной демократии, референдумов, представительства и т.д. с учетом доступности новых инструментов коллективного обсуждения социально-значимых вопросов, непосредственного выражения общественного мнения, фиксации волеизъявления граждан, общественного контроля за реализацией принятых решений.

Список источников:

1. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
2. Новек, Б.С. Умные граждане – умное государство: Экспертные технологии и будущее государственного управления / Б.С. Новек. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 512 с.

*Е.М. Ильина, доцент
IlyinaEM@bsu.by
БГУ (Минск, Беларусь)*

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Цифровая трансформация (далее – ЦТ), возникшая на стыке научного дискурса и реальности в условиях постиндустриального развития, имеет мультидисциплинарный характер и фиксируется преимущественно в знаковой системе экономических и технических наук в контексте организационно-экономических и технико-экономических аспектов оцифровки и цифровизации экономики и бизнеса, технологических особенностей внедрения цифровых бизнес-платформ и новых сквозных цифровых практик (систем распределенного реестра, искусственного интеллекта и нейротехнологий, Интернета вещей, больших данных, виртуальной и дополненной реальности, робототехники, аддитивных технологий и др.) четвертой промышленной революции (далее – Industry 4.0) или VI технологического уклада, их влияния на современные социально-экономические процессы.